

отправленной на принудительные работы в Германию А. Третьяк, и попавшего в плен 14 сентября 1941 г. солдата Ф.Е. Кожедуба (S. 268–270).

Подробно описывая новые исторические методы современных учёных, Нольте напоминает об ответственности каждого, кто берёт на себя труд излагать «большую» историю. Очень важна его мысль о том, что историк только «рассказчик» прошлого, необходимы «малые» истории с собственной хронологией и фактическим наполнением. Тысячелетнее прошлое такой огромной страны, как Россия, разнообразно и многогранно и не может быть втиснуто в рамки устоявшихся и зачастую ошибочных клише. «В моей научной работе, – признаётся автор, – я всегда стараюсь изменить немецкие ошибочные представления о России и поддержать примирение Германии со всеми восточными соседями» (S. 271–272). Чрезвычайно важен для западного историка вывод: «Мы не можем составить для себя правильного понимания о мире, если мы не понимаем Россию» (S. 478).

В издании имеются внушительный перечень источников и литературы, библиография по темам, список географических названий. Труд снабжён подробными картами и таблицами. Отдельным приложением в книге даны материалы о родах

Рюриковичей и Романовых, о династических браках, наглядно демонстрирующих тесную связь истории, политики и конкретных человеческих судеб Германии и России.

Н.Э. Вашкау

Примечания

¹ *Nolte H.-H. Deutsche Geschichte im sowjetischen Schulbuch. Göttingen, 1972.*

² *Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. 1941. Text und Dokumentationen. Hannover, 1991. S. 7.*

³ См. подробнее: *Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М., 2004. С. 519–546.*

⁴ Подробнее см.: *Nolte H.-H. Zentrum und Regionen in Rußland // Innere Peripherien im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1997.*

⁵ Нольте неоднократно писал об ответственности Германии за преступное развязывание войны на уничтожение. См., например: *Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion... В 1991 г. он организовал международную конференцию, посвящённую германской агрессии против СССР. Наряду с немецкими историками в ней участвовали Алесь Адамович и Михаил Гефтер. См.: Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1992.*

Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.D. Steinberg and V. Sobol. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2011. VIII, 303 p.*

Уже не один год исследователи ведут речь об «эмоциональном повороте» в историографии. По образному выражению Яна Плампера, современная исследовательская литература по гуманитарным дисциплинам «переполнена эмоциями»¹. Пока сложно говорить, приведёт ли это к столь же значительным сдвигам, как знаменитый лингвистический поворот, но усиление внимания к различным аспектам эмоций в истории несомненно².

Возникнув на материале зарубежной истории, мода на изучение эмоций в 2000-е гг. распространилась и на историю российскую. В 2003 г. специальная конференция по истории эмоций в России была проведена в Чикагском университете. В 2008 г. в Москве состоялась конференция «Эмоции в русской истории и культуре»³. Заметным явлением в этом ряду стала конференция, организованная летом 2008 г. Русским, Восточно-Европейским

* Интерпретируя эмоции в России и Восточной Европе / Под ред. М.Д. Стейнберга и В. Соболя. Де Калб: Издательство университета Северного Иллинойса, 2011. VIII, 303 с.

и Евразийским центром университета Иллинойса в Урбана-Шампейн в рамках Форума Ральфа и Рут Фишер. В рецензируемой книге собраны обсуждавшиеся на этой конференции доклады, которые дают возможность судить о реальных плодах «эмоционального поворота» применительно к современной русистике.

Объектом специального исследования стали в сборнике различные проявления эмоций в истории России и Восточной Европы на протяжении двух веков, от рубежа XVIII–XIX до рубежа XX–XXI столетий. Их носителями выступали как отдельные личности, так и различные социальные и политические группы, революционеры, националисты, жертвы и палачи эпохи сталинских репрессий, а выражались они в прозаических и поэтических текстах, музыкальных произведениях, кино и т.д. Авторы исходят из того, что даже самые сокровенные эмоции непосредственным образом связаны с социальными условиями, и проявления эмоций, при всех их различиях у различных индивидов, детерминированы социально и могут выступать объектами контроля и манипуляции (р. 7). В социуме складываются «эмоциональные режимы» (У. Редди) или «эмоциональные сообщества» (Б. Розенвейн), которые нормируют формы выражения и восприятия эмоций (р. 10).

Конкретно-исторические исследования, помещённые в сборнике, выстроены по хронологическому принципу. Они начинаются статьёй И. Виноцкого «“Королева возвышенных мыслей”: культ меланхолии в русском сентиментализме». По мнению автора, русские сентименталисты не просто адаптировали западные идеи и чувствования к русским реалиям, но выработали собственную версию этого литературно-художественного течения. Популярность сентиментализма в России во многом объяснялась социальными факторами: часть дворянства восприняла дарованные Петром III и Екатериной II привилегии как признание властью свободы частной жизни. Важнейшим компонентом последней казалась возможность отдаться собственным чувствам. При этом понятием «меланхолия» описывался весьма широкий диапазон эмоций. Виноцкий выделяет 3 основных типа меланхолии,

отразившихся в текстах той эпохи: «мрачную» («dark»), нежную («tender»), мечтательную («dreaming»). Несмотря на различия между ними, все они решали одну и ту же задачу – достижение гармонии разума и чувства, выступая основой «сентиментально-меланхолической культуры, последней умиротворяющей утопии Века Разума» (р. 39).

Если Виноцкий делает упор на общие характеристики в эмоциональном складе образованных русских людей конца XVIII – начале XIX в., то А. Зорин подчёркивает наличие в нём диаметрально противоположных тенденций. Анализируя дневниковые записи и письма к жене М.Н. Муравьёва, отца знаменитого декабриста, автор приходит к заключению, что в Михаиле Никитиче уживались два типа личности, в глазах современного человека совершенно несовместимые. Весьма болезненно переживая отсутствие знаков благоволения свыше по случаю коронации Павла I в 1797 г., он в духе сентименталистского канона видел в этом кару свыше за «легкомысленные надежды» и «детское тщеславие». Однако, по мнению Зорина, такая непоследовательность не даёт никаких оснований считать Муравьёва неискренним. Просто чувства дворянина, ревностно служащего государю, и приверженца семейной идиллии вдали от света и бюрократических коридоров благополучно сосуществовали в одном и том же человеке (р. 59).

Столь же неоднозначную трактовку эмоционального мира своих персонажей предлагает и В. Фриде. Вопреки популярному образу радикалов 1850–1860-х гг. как рационалистов, презиравших проявления эмоций, она доказывает, что те со всей серьёзностью относились к человеческим чувствам. Чувства побуждали к действию, и в умении их контролировать видели важнейшую задачу воспитания (р. 73–74). Психоземotionalный облик радикала-шестидесятника имел много общего с осуждавшимся ими «романтиком» прежних времён: отстранённость от мира, готовность игнорировать житейскую суету, последовательность в поступках и мыслях, преданность идее. И хотя ни радикалы 1860-х гг., ни их консервативные оппоненты не признавали интеллектуаль-

ной и эмоциональной близости к «людям 40-х годов», все они являлись их наследниками.

Впрочем, в глазах современников и последующих поколений на первом плане оказалось не то, что объединяло «отцов и детей», а то, что их разделяло. В этой ситуации имя тургеневского Базарова превратилось в нарицательное обозначение человека, «лишённого эмоций». Фамилию Базаров дал персонажу своего романа «Таинственное самоубийство, или дело Базарова» писатель и журналист В. Риваль (В.А. Прохоров). Описанная Ривалем история, закончившаяся самоубийством главной героини, Елены Череповой, и суровым приговором её обидчику, была основана на реальном преступлении середины 1880-х гг. Литератор лишь слегка изменил фамилии действующих лиц, превратив насильника Назарова в Базарова, а его жертву Черемнову – в Черепову. Используя литературное произведение и архивные материалы по этому делу, А. Оберлендер приходит к выводу о заметной трансформации морально-этических норм в русском обществе пореформенного времени, вследствие чего Черемнова была воспринята в качестве достойной уважения и сочувствия женщины, а Назаров – как законченный негодяй, что и выразилось в вердикте присяжных (р. 97).

Особое место в сборнике занимает статья Р. Суни, анализирующего роль эмоциональных факторов в эволюции многонациональных Российской и Османской империй. Рубеж XIX–XX вв. и для России, и для Турции оказался временем глубоких сдвигов в имперской государственности и попыток их превращения в государства национальные. Такая метаморфоза была невозможна без чёткой идентификации власти и «титული нации». Первые шаги в этом направлении автор видит в исторических сочинениях Карамзина и в знаменитой уваровской триаде «Православие, самодержавие, народность» (р. 113–114). Инструментом распространения нового подхода к империи в пореформенное время становится политика русификации. Однако укрепить таким образом государственное единство не удалось: националистическая риторика оказалась слабее социальных барьеров,

разделявших этнических русских, тогда как у нерусских народов ставка на русский шовинизм вызывала естественное недовольство. Сравнивая Россию с Турцией, автор приходит к выводу, что турецкие власти преуспели в том, в чём потерпели неудачу российские, в «национализации» многонационального государства. Младотуркам эта попытка удалась, хотя это не спасло их империю ни от военного фиаско, ни от распада (р. 116–123).

Несколько статей посвящено истории эмоций советского времени. Оригинальный подход к анализу материалов февральско-мартовского пленума 1937 г. ЦК ВКП(б) предложила Г. Янг. Она отмечает большое значение для его исхода толкования эмоциональных реакций и показывает, что обвинения в неискренности и стремлении скрыть истинные чувства стали важнейшим пунктом в обвинениях против Н.И. Бухарина (р. 136–137).

О сложности интерпретации эмоций применительно к советской истории свидетельствует работа П. Джонс, посвящённая хрущёвской «оттепели». Рассматривая реакцию критиков и рядовых читателей на роман Ю.В. Бондарева «Тишина» и его экранизацию, она приходит к выводу, что данная эпоха характеризовалась не столько трансформацией одного «эмоционального режима» в другой, сколько сосуществованием противоположных тенденций и норм в сфере эмоций (р. 171). Современную российскую историю освещает статья Сергея Усташкина о песенных интерпретациях советского и постсоветского военного опыта. В военном шансоне автор видит важнейшее средство конструирования эмоций, создания картины прошлого, призванной обеспечить ветеранам общественное признание, которого они были лишены много лет (р. 272).

В сборник также включены исследования по аналогичной тематике в истории бывшей Югославии и Румынии. Важным компонентом книги является и список трудов по истории эмоций, который может стать серьёзным подспорьем для желающего сориентироваться в этой области (р. 277–280).

Рецензируемая книга наглядно свидетельствует о том, что современная историография делает лишь первые шаги

в изучении истории эмоций. Охват авторами временного диапазона более чем в два века позволяет затронуть самые различные её аспекты. С другой стороны, несмотря на все старания редакторов сборника статьи в нём не создают сколько-нибудь обобщённой картины эволюции эмоционального состояния российского общества. Из сферы внимания авторов выпали насыщенные эмоциями периоды войн и революционных потрясений, которые к тому же дают обильный материал для сравнительных исследований. Может быть (именно этот путь представляется наиболее перспективным), стоит стремиться не столько к выделению эмоций в особую область исторического исследования, сколько к учёту эмоциональной составляющей при работе над самыми разными темами?

И ещё одно достойное внимания обстоятельство. Авторы сборника с похвальной скромностью признают, что эмоциональные аспекты прошлого и прежде не оставались без внимания исследователей. «Историки часто использовали эмоции для объяснения поступков», — подчеркивает Р. Суни (р. 102). Это суждение в полной мере применимо и к российской историографии. Так, согласно кн. М.М. Щербатову, эмоции обязательно должны приниматься в расчёт при объяснении действий исторических личностей⁴. Аналогичным образом рассуждал и М.П. Погодин: «Предметом истории полагают обыкновенно действия человеческого рода, происшествия. Но почему ж не удостоить сей чести помышления, чувствования? Они суть семена и плоды действий, и необходимо в них отражаются. История ума и сердца человеческого должны составлять важнейшую часть истории»⁵.

Впрочем, эти пожелания редко реализовывались в конкретных исследованиях, и дело ограничивалось тем, что Б. Розенвейн назвала «“несфокусирован-

ном” обсуждением эмоций в истории»⁶. Характеристика эмоций в исторических сочинениях требовалась их авторам прежде всего для совершенствования литературной формы исторического текста, чтобы сделать его персонажей объёмнее, а повествование — увлекательнее (р. 102). При этом об эмоциях заговаривали главным образом в ситуациях, когда рациональные доводы казались недостаточными, а чувства воспринимались как нечто универсальное, постоянное и неизменное с точки зрения содержания и даже форм проявления. Концентрируя внимание на эмоциях в истории, рецензируемый сборник указывает новые пути изучения явлений, которые не одно столетие привлекают внимание историков России и позволяют взглянуть на её прошлое с весьма неожиданной стороны.

М.Н. Лукьянов

Примечания

¹ *Plamper J.* Introduction // *Emotion Turn? Feelings in Russian history and Culture* // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 2. P. 229.

² Среди наиболее значительных исследований в этой области см.: *Stearns P., Stearns C.* Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. 1985. Vol. 90. N 4. P. 813–836; *idem.* Anger: Struggle for Emotional Control in America's History. Chicago, 1986; *Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001; *Rosenwein B.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, 2006; Rausch und Diktatur: Inszenierung, Mobilisierung, und Kontrolle in totalitären Systemen. Frankfurt a/M, 2006.

³ Её материалы см.: Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010.

⁴ *Милуков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 43.

⁵ *Погодин М.П.* Исторические афоризмы. М., 1836. С. 76–77.

⁶ *Rosenwein B.* Op. cit. P. 1.